

Общество и В. О. Коммиссаржевская.

Смерть В. О. Коммиссаржевской еще разъ показала, до чего мы анархичны, грубы, лишены самой примитивной деликатности, партийно-тупы и самовлюбленны.

Прежде всего, воспоминанія... Что за ужасъ! Достаточно у насъ умереть выдающемуся человѣку, какъ начинается потокъ самой безцеремонной самохвальщины.

— Я... я... я... Мы встрѣтились... Я сказалъ... Мы пошли... Я обратилъ вниманіе... Мы гуляли... Въ разговорѣ со мною...

Мѣстоименіе „онъ“ и „она“—въ воспоминаніяхъ всѣ отсутствуютъ. Каждый воспоминатель, по мѣрѣ силъ и наглости, старается побольше рассказать о самомъ себѣ, иногда только о самомъ себѣ.

Чтобы хоть немного пощадить память нашихъ выдающихся людей, надо провести особый законъ „о клеветѣ на мертвецовъ“ или же наказывать воспоминателей за всякое воспоминаніе, какое только взбрѣдетъ имъ на память.

Затѣмъ идутъ скандалы.

Къ памяти покойника, прежде всего, стараются припилиить выраженіе какого-нибудь общественнаго протеста,—причемъ это дѣлается въ высшей степени непристойно, кощунственно. Одни стараются устроить протестъ противъ государственнаго строя, другіе—противъ общественныхъ несообразностей, третьи—просто норовятъ ударить по нервамъ. Получается нѣчто весьма неприличное. Чуть-ли не у гроба устраивается свалка.

Въ государственномъ и обществен-

номъ строѣ немало прорѣхъ... можетъ быть, даже прорѣхъ больше, чѣмъ цѣльнаго,—но затѣмъ же добавлять еще одну прорѣху скандалами у свѣжей могилы?

Наконецъ, реклама... Это—тоже трудное выносимый нумеръ въ программѣ нашей безпардонности. Каждая партія стремится причислить покойника къ себѣ и сейчасъ же устраивается съ нимъ запросто.

— Мы учреждаемъ стипендію...

— Мы: убѣжище имени покойной...

— Мы: приютъ...

Каждый тянетъ къ себѣ и, конечно, разрываютъ сочувствующаго жертвователя на части: ни стипендіи, ни убѣжища, ни приюта не выходитъ.

Казалось бы, можно было бы за быть счеты и партіи хоть передъ лицомъ смерти.

Оказывается, нѣтъ! Не довѣтъ дни злоба его.

Говоря о воспоминаніяхъ, связанныхъ съ именемъ В. О. Коммиссаржевской, нерольно хочется напомнить, что у покойной артистки остались мать, живущая въ Парскомъ Селѣ, и родная сестра, которая оканчиваетъ художественное образованіе въ Парижѣ. Обѣ—и мать, и сестра—при жизни В. О. были обезпечены, а теперь... ихъ дальнѣйшее спокойное существованіе станетъ подлѣ закономъ вопроса.

Не лучше-ли всѣмъ тѣмъ, кто глубоко чувствуетъ смерть В. О., прежде стипендіи и приюта, подумать о тѣхъ, кому, прежде всего, помогала сама покойная?